КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ

I. Обзоръ журналовъ.

Классификація характеровъ Рибо.

Въ ноябрьской книжкѣ «Revue Philosophique» помѣщена интересная статья извѣстнаго профессора экспериментальной и сравнительной психологіи Т. Рибо.

Соглашаясь съ тѣми, которые считаютъ своевременнымъ приступить къ психологическому синтезу, какъ необходимому дополненію замѣчательныхъ аналитическихъ трудовъ, давшихъ такіе важные результаты въ области научной психологіи, Рибо находитъ потребность такого синтеза въ психологіи болѣе настоятельной, чѣмъ гдѣ-либо. «Чего только не говорилось объ единствѣ и тожествѣ нашего *я*, возведеннаго въ простую и неразрушимую сущность? Автора не заподозрятъ въ склонности къ такому взгляду. Но слѣдуетъ признать, что въ послѣдніе годы столь усиленно занимались потрясеніями, измѣненіями, превращеніями и разрушеніями личности, что анализъ торжествовалъ вполнѣ, а синтетическая сторона предмета была заброшена». «Главная задача синтетической психологіи—опредѣлить основные типы индивидуальности по ихъ активнымъ и реактивнымъ дѣйствіямъ, источникъ которыхъ кроется въ чувствахъ и хотѣніяхъ, что и называется нѣсколько неопредѣленнымъ, но освященнымъ обычаемъ терминомъ: характеръ».

Признаки характера: единство и постоянство, т.-е. продолжающееся единство.

Если нѣтъ единства и постоянства ни въ чемъ, то нѣтъ и характера,—это признакъ людей безхарактерныхъ, которые могутъ

быть раздѣлены на 2 группы: 1) *аморфные*, т.-е. безформенные, принимающіе характеръ среды, безличные, и 2) *неустойчивые*, вполнѣ неопредѣленные, поступающіе различно въ одинаковыхъ обстоятельствахъ и одинаково при разныхъ обстоятельствахъ.

Если исключить людей безхарактерныхъ, то характеры можно классифицировать слѣдующимъ образомъ, придерживаясь правилъ естественнонаучныхъ классификацій, т.-е. переходя отъ общихъ группъ, родовыхъ, къ все болѣе и болѣе частнымъ группамъ, къ видовымъ, къ разновидностямъ и, наконецъ, къ индивидуумамъ.

1) *Чувствительные.*
- 1) *Ничтожные.* — Чрезмѣрная чувствительность, ограниченный умъ, полное отсутствіе энергіи.
- 2) *Мечтательные.* — Живая чувствительность, острый, проницательный умъ. Никакой дѣятельности.
- 3) *Эмоціональные.* — Крайняя впечатлительность. Тонкость ума. Прерывистая, припадочная дѣятельность.

2) *Дѣятельные.*
- *Мелко дѣятельные.*
  1) Богатые физическою энергіей, требующею выхода, *при ограниченномъ умѣ.* Хорошіе работники - машины, способные дѣлать что-либо и при отсутствіи интереса и необходимости. Напр. мелкіе купцы, прикащики, всякіе спортсмены. Дѣятельные ради движенія.
- *Крупно-дѣятельные.*
  2) Богатые физической энергіей, требующею выхода, при могучемъ, проницательномъ, изворотливомъ, утонченномъ, дипломатическомъ умѣ. Имъ принадлежитъ первая роль въ исторіи.

3) *Апатичные.* (Флегматическіе или лимфатическіе).
- 1) *Чисто апатичные.* Незначительная чувствительность, незначительная дѣятельность, незначительный умъ. Ихъ постоянство—ихъ инерція, дѣлающая ихъ мало способными къ воспитанію и образованію, одинаково неспособными на добро и на зло.
- 2) Слабая чувствительность, слабая дѣятельность, могучій, сильный умъ.
  - а) при спекулятивномъ умѣ (какъ это замѣчалось у большого числа математиковъ, метафизиковъ, ученыхъ) получаются чистые интеллекты — *„monstra per excessum"* —Шопенгауера.
  - б) при практическомъ умѣ получаются характеры разсудительные, хладнокровные, *разсчетливые.*

Всѣ три класса на своихъ вершинахъ насчитываютъ много историческихъ именъ:

1) Знаменитые изъ класса чувствительныхъ дѣйствовали силою чувства и его заразительностью.

2) Знаменитые изъ класса дѣятельныхъ дѣйствовали силою своей энергіи, которая внушалась и другимъ людямъ.

3) Знаменитые изъ разсудительныхъ—силою своихъ практическихъ соображеній, ничего не предоставляющихъ случаю; они сильны своею мудростью; ихъ слава безъ блеска не возбуждаетъ ни обаянія, ни симпатіи.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что болѣе сложныя формы характеровъ чувствительныхъ, дѣятельныхъ, апатичныхъ представляютъ собою незамѣтные переходы къ смѣшаннымъ типамъ, которые могутъ быть раздѣлены на слѣдующія разновидности:

1) Чувствительные и дѣятельные.

Живая чувствительность, безъ болѣзненной повышенности, легко соединима съ активностью и съ энергіей. Чувствовать и дѣйствовать, это неразрывно въ нормальномъ состояніи. Въ своихъ блестящихъ представителяхъ это одни изъ самыхъ богатыхъ, одни изъ самыхъ гармоничныхъ разновидностей характера.

а) При маломъ умѣ—это веселые эгоистичные характеры, преслѣдующіе узко-личныя удовольствія. Ихъ не всегда легко отличить просто отъ безхарактерныхъ, какъ аморфныхъ, такъ и неустойчивыхъ.

б) При большихъ умственныхъ способностяхъ, это ярые мученики и герои, съ жаждой жертвовать собою, пострадать за вѣру и отечество. Сюда относятся великіе реформаторы и проповѣдники, великіе полководцы (Александръ, Наполеонъ), великіе революціонеры (Дантонъ), поэты, какъ лордъ Байронъ, художники, какъ Бенвенуто-Челлини и Микель-Анжело.

2) Апатичные и дѣятельные.

Сюда относятся характеры разсчетливые (апатичные при практическомъ умѣ), но осложненные нѣкоторымъ количествомъ чувства и страсти, что ведетъ ихъ къ дѣйствіямъ, хотя скорѣе оборонительнымъ, чѣмъ наступательнымъ. Господство идеи надъ слабою чувствительностью придаетъ этому характеру непоколебимую твердость. Это характеръ нравственный по преимуществу, но холодно-нравственный, нравственный по привычкѣ, возбуждающій скорѣе уваженіе, чѣмъ симпатію. Нравственный идеалъ, служащій основаніемъ и поддержкой такого характера, можетъ быть истиннымъ или ложнымъ; онъ измѣняется съ временемъ и мѣстомъ (общее

2) Апатичные и дѣятельные.	благо, общая польза, тотъ или другой догматъ, отвлеченный долгъ, категорическій императивъ). Это такъ называемые стоики.
3) Апатичные и чувствительные.	Хотя и противорѣчивый синтезъ, но эта разновидность существуетъ и представляетъ переходъ къ патологическимъ разновидностямъ. Главные признаки: разслабленіе и неустойчивость. Люди съ такимъ характеромъ отличаются апатіей, отвращеніемъ ко всякому движенію, ко всякой перемѣнѣ, но они способны подъ вліяніемъ какого-либо обстоятельства, толчка, броситься въ дѣятельность съ такою же горячностью, какъ и чувствительные, при чемъ это всегда только скоро проходящій порывъ, что и сближаетъ ихъ съ безхарактерными -- неустойчивыми.
4) Уравновѣшенные.	Единство и устойчивость, какъ основныя условія характера, здѣсь налицо; но при такой уравновѣшенности, какую представляетъ эта разновидность, главные признаки которой гармоничное сочетаніе чувства, мысли и дѣйствія, характеръ теряетъ одно изъ необходимыхъ условій своего существованія—повышенность (гипертрофію) или пониженность (атрофію) того или другого душевнаго явленія и своею безцвѣтностью сближается съ безхарактерными – аморфными.

Всѣми этими подраздѣленіями далеко не исчерпывается то разнообразіе сложныхъ характеровъ, которое встрѣчается въ дѣйствительности. Полный, цѣльный характеръ получается тогда, когда данный индивидуумъ до мозга костей или чувствителенъ, или активенъ, или апатиченъ. Но встрѣчаются очень часто не цѣльные характеры, *частичные* характеры. Если человѣкъ безхарактерный, аморфный, безличный имѣетъ какую-либо сильно выдающуюся наклонность, умственную или страстную (врожденную способность къ математикѣ, къ механикѣ, къ музыкѣ, или поглощающую страсть половую, или страсть къ игрѣ, скупость, корысть и пр.), то по отношенію къ этой наклонности этотъ человѣкъ обнаруживаетъ характеръ, т.-е. его дѣйствія при этомъ будутъ постоянны, неизмѣнны, могутъ быть предвидѣны, во всемъ же остальномъ онъ—безличность, копія, подражатель, продуктъ воспитанія и среды.

Этимъ Рибо заканчиваетъ свою попытку классифицировать людскіе характеры по образцу естественнонаучной методы и задается вопросомъ о практичности этой классификаціи и возможности съ ея помощью оріентироваться среди безконечно

разнообразныхъ проявленій характера. По его мнѣнію, если эта классификація не можетъ имѣть практическаго значенія, то она должна быть отвергнута. Во всякомъ случаѣ, она ясно показываетъ, до какой степени различны и разнородны индивидуальныя комбинаціи, обозначаемыя собирательнымъ именемъ характера. Въ дѣйствительности существуютъ *характеры*, *а не характеръ*. Вмѣсто этого отвлеченнаго, придуманнаго термина слѣдуетъ брать многочисленные виды и разновидности, описанные здѣсь и даже пропущенные, чтобы рѣшать тѣ или другіе практическіе вопросы. Поставимъ на одномъ концѣ безконечной серіи характеровъ формы ясныя, опредѣленныя, типичныя; эти формы неизмѣнны и тверды, какъ алмазъ. На другомъ концѣ этой серіи мы найдемъ полное отсутствіе формы, олицетворенную податливость, безхарактерность. Между этими крайними степенями характеровъ могутъ быть расположены всѣ ихъ разновидности въ порядкѣ постепенно уменьшающейся кристалличности характеровъ, при чемъ переходы могутъ быть незамѣтны и нечувствительны. Теперь, практическій вопросъ, можетъ-ли характеръ измѣняться, или нѣтъ, рѣшается самъ собою. Дѣйствительные, *настоящіе* характеры неизмѣнчивы, а по мѣрѣ удаленія отъ нихъ къ аморфнымъ мы встрѣчаемъ формы характеровъ все болѣе и болѣе измѣнчивыя.

Въ этой попыткѣ Рибо намѣченъ, конечно, только путь, по которому долженъ пойти психологическій синтезъ; потребность же въ такомъ синтезѣ чувствуется всѣми, а потому и къ этой попыткѣ нельзя не отнестись съ большимъ сочувствіемъ и живымъ интересомъ. Тонкій анализъ «новой психологіи» далъ намъ цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ отвлеченій, обобщеній и прочихъ продуктовъ аналитическаго ума, и въ своемъ стремленіи къ безконечной абстракціи, въ которой все можетъ быть сведено къ нулю, свелъ дѣйствительно къ нулю и человѣческую личность. Но вся исторія человѣчества полна такими цѣльными личностями, такими крупными единицами, съ которыми приходится считаться всякому психологу.

Конечно, «цѣльность личности»—удѣлъ лишь избранниковъ. Большинство людей этой цѣльности не достигаетъ, а многіе несчастные проявляютъ даже измѣнчивость, перемежаемость своей, будто-бы, личности. Да гдѣ-же тутъ личность? Ея вовсе нѣтъ, она не образовалась, не влилась въ опредѣленную, законченную

форму, не окристаллизовалась. Тѣ или другія комбинаціи воспріятій, впечатлѣній, воспоминаній обыкновенно принимаются за личность. Но это не вѣрно. Это остатокъ стараго взгляда на какую-то метафизическую личность, сидящую въ каждомъ человѣкѣ. Явленіе личности—чрезвычайно сложное и рѣдкое явленіе жизни.

Личность образуется постепенно, и въ большинствѣ случаевъ человѣкъ проживаетъ всю жизнь, не достигнувъ полной цѣльности своей личности. Слѣдовательно, нельзя говорить объ измѣненіяхъ того, что не существуетъ вовсе, нельзя проповѣдовать объ измѣнчивости личности, которой совсѣмъ и не существовало.

Въ этомъ отношеніи знаменательны слова Рибо, которыми онъ заключаетъ свою статью: «можно сказать, что *истинные* характеры не мѣняются».

Николай Абрикосовъ.

Mind. New Series, № 3, іюль 1892.

H. R. Marshall. Область эстетики съ точки зрѣнія психологіи. Эстетика можетъ быть разсматриваема какъ спеціальная вѣтвь болѣе обширной науки объ удовольствіи (science of Hedonics). Всѣ негедонистическія эстетическія теоріи, предлагавшіяся въ различныя времена, несостоятельны. Авторъ дѣлаетъ бѣглый обзоръ теорій, пытавшихся открыть въ самихъ прекрасныхъ объектахъ качества, дѣлавшія эти объекты прекрасными. Но если прекрасное есть неизбѣжно вмѣстѣ съ тѣмъ и пріятное, то само собою возникаетъ вопросъ о томъ, почему не все пріятное есть вмѣстѣ съ тѣмъ и прекрасное. Авторъ снова переходитъ къ бѣглому историческому обзору ученій объ отличіи прекраснаго отъ пріятнаго. Здѣсь онъ особенно критикуетъ ученіе Канта, видѣвшаго отличіе прекраснаго отъ пріятнаго въ томъ, что первое обладаетъ характеромъ всеобщности, тогда какъ второе—индивидуально.—Статья еще не окончена.

Въ томъ же № помѣщены еще: *A. Eastwood*—Антитеза между мыслію и вещами по ученію Лотце; *J. Donovan*—Праздничное происхожденіе человѣческой рѣчи; *W. E. Johnson*—Логическое исчисленіе.

П. Мокіевскій.

Revue Philosophique 1892 г., №№ 9—12.

Гардіа. *Личность въ сновидѣніяхъ* (№ 9). Авторъ указываетъ на трудность изученія сновидѣній въ ихъ связи съ характеромъ лицъ и съ обстановкой, а также на необходимость коллективной работы психологовъ, философовъ, врачей и просто умѣлыхъ наблюдателей для того, чтобы собрать достаточный и вполнѣ провѣренный матеріалъ. Сны часто забываются или искажаются памятью. Въ общемъ, содержаніе сновъ варіируетъ сообразно какъ съ естественными данными, такъ и съ воспитаніемъ чувствъ каждаго субъекта. Авторъ высказываетъ нѣсколько замѣчаній о томъ, какъ отражаются въ снахъ опыты пяти внѣшнихъ чувствъ, ощущенія движенія, и какъ вліяютъ на сны организація, полъ и возрастъ.

Д-ръ Бразье. *О разстройствѣ музыкальныхъ способностей при афазіи.* (Этюдъ объ умственныхъ представленіяхъ звуковъ и музыкальныхъ символовъ) (№ 10).

Изложивъ исторію изученія афазіи въ послѣднія 15—20 лѣтъ, авторъ указываетъ на разстройства въ области музыкальныхъ воспріятій и движеній, на музыкальную афазію или «амузію», какъ на отдѣлъ афазіи, сравнительно мало подвергавшійся изслѣдованію. Классификаціи видовъ амузіи, данныя до сихъ поръ, неудовлетворительны. Изложивъ вкратцѣ роль слуховыхъ, мусскульныхъ (при пѣніи и при игрѣ на инструментахъ) и зрительныхъ (при чтеніи музыкальныхъ произведеній) воспріятій и воспроизведеній (актъ писанія нотъ онъ исключаетъ въ виду его неразработанности), авторъ даетъ свою классификацію видовъ амузіи: 1) полныя или смѣшанныя музыкальныя амнезіи (амузіи)— бываютъ тогда, когда поражаются всѣ центры, воспринимающіе и воспроизводящіе музыкальныя сочиненія; 2) простыя или частныя амузіи, дѣлящіяся на амузіи *слуховыя,* амузіи *зрительныя,* или «алексіи» (неспособность читать ноты) и амузіи *двигательныя,* или разстройства музыкальнаго воспроизведенія. Зрительныя и слуховыя амузіи представляютъ разстройства воспріятія, т.-е. актовъ центростремительныхъ, амузіи же двигательныя — актовъ центробѣжныхъ.

Иногда амузіи совмѣщаются съ афазіями, но могутъ существовать и отдѣльно. Изъ отдѣльныхъ элементовъ музыки—тембръ запоминается и воспроизводится исключительно работой слуха; мелодія — всѣми тремя родами образовъ: и слуховыми, и зри-

тельными, и двигательными; гармонія—совокупною работой зрѣнія и слуха; *ритмъ* же—всегда актами изъ сферы движенія. Въ статьѣ приведено нѣсколько хорошо описанныхъ случаевъ амузіи—изъ практики самого автора.

Де-Роберти. *О единствѣ науки. (Великіе синтезы знанія).* (№ 11).

Эта небольшая статья примыкаетъ къ другимъ новѣйшимъ работамъ того же автора,—имѣющимъ цѣлью критику и опроверженіе пессимистическаго элемента въ психологіи, т.-е. системъ агностицизма. Къ такимъ ученіямъ авторъ относитъ и средневѣковые реализмъ съ номинализмомъ, и идеализмъ Канта, и позитивизмъ, и эволюціонизмъ. Безконечнаго и абсолютнаго нѣтъ; это лишь синонимы «отвлеченнаго» и общаго всѣмъ конечнымъ реальностямъ. На дѣлѣ всѣ объекты знанія, вселенная—составляетъ единое цѣлое, изучаемое совокупностью наукъ, которыя могутъ буть представлены въ видѣ нѣсколькихъ концентрическихъ круговъ—такъ, что по мѣрѣ суженія объема наукъ возрастаетъ ихъ сложность. Науки каждаго круга болѣе или менѣе приведены къ единству, причемъ болѣе всего сдѣлано это въ математикѣ, изучающей наиболѣе простыя свойства *всѣхъ* вещей. Такая классификація наукъ болѣе всего соотвѣтствуетъ монистическому міровоззрѣнію.

Фр. Поланъ. *Музыкальная композиція и общіе законы психологіи* (№ 12).

Музыкальная фраза или сочиненіе представляютъ изъ себя своего рода организмы, проникнутые одной идеей и подчиняющіеся психологическимъ законамъ: систематической ассоціаціи и систематическаго задержанія, отбора (inhibition). Это единство придается *тональностью*, господствомъ одного *основнаго* тона. Авторъ слѣдитъ за различными проявленіями этого начала тональности въ музыкѣ.

Фердинандъ Ланнъ. *Философское движеніе въ Россіи.* II. Философія Гегеля и философскіе кружки (№ 12).

Первая статья—о философіи 18-го вѣка и о шеллигіанствѣ въ Россіи—была напечатана въ Revue 1891 г., № 7.

Авторъ говоритъ сначала объ общей физіономіи московскихъ философскихъ кружковъ 30-хъ и 40-хъ годовъ (причемъ журналы: «Наблюдатель» и «Телескопъ» неточно называетъ философскими), а затѣмъ даетъ характеристики главныхъ представи-

телей западничества: Станкевича, Бѣлинскаго, Бакунина и Огарева съ Герценомъ. Онъ здѣсь резюмируетъ статьи Анненкова (Замѣчательное десятилѣтіе, Идеалисты 30-хъ годовъ и друг.), Пыпина (о Бѣлинскомъ), Страхова (борьба съ Западомъ); сочиненія самихъ западниковъ онъ знаетъ далеко не всѣ *).

Статья не лишена нѣкоторыхъ курьезныхъ мѣстъ; по мнѣнію автора, русскій народъ одержимъ маніей философствованія и мистицизмомъ, любитъ окутывать мысль въ философскія общности, вообще разсуждать (raissoner, razsoujdat—поясняетъ авторъ); русскіе, развалившись безпечно на диванахъ, или сидя вокругъ самовара, этого бога русскаго очага (samovar, ce dieu Lare du foyer russe), трактуютъ о великихъ вопросахъ морали, религіи и общественной жизни и т. п.

Альфредъ Фулье. *Существованіе и развитіе воли* (№№ 6, 8, и 10).

Эти статьи Фулье представляютъ собою резюме и дальнѣйшія разъясненія его ученія объ «идеяхъ-силахъ». Возражая психологамъ, сводящимъ волю на реальныя и воспроизводимыя ощущенія движенія, авторъ доказываетъ самостоятельность, повсюдность (ubiquité) воли, считая ее, рядомъ съ ощущеніемъ, неразложимымъ, основнымъ элементомъ сознанія. Съ психологической точки зрѣнія эта самостоятельность воли выражается въ постоянствѣ хотѣнія, желанія, стремленія, проникающаго всѣ явленія нашего сознанія и выражающагося въ постоянномъ движеніи, какъ видимомъ, такъ и невидимомъ, т.-е. въ движеніи мысли, намѣренія и т. п., въ движеніи, лишь своей слабой напряженностью отличающемся отъ настоящаго мускульнаго акта. Эта воля къ жизни, стремленіе къ наибольшему счастью, къ сохраненію и расширенію жизни проявляется не въ дѣйствіи отдѣльной способности, а проникаетъ всѣ функціи, являясь результатомъ внутреннихъ антецедентовъ, совокупности всѣхъ нервно-психическихъ процессовъ. Нельзя видѣть зачатокъ воли во вниманіи; вниманіе само есть не что иное, какъ та же воля, то же стремленіе, направленное на извѣстное представленіе. Съ физіологической

*) Въ рядѣ характеристикъ западниковъ можно указать крупный пробѣлъ: нѣтъ ни слова о Грановскомъ. Какъ членъ философскаго кружка, какъ человѣкъ, получившій философскую подготовку и выправку, онъ имѣетъ на упоминаніе не меньше правъ, чѣмъ прочіе, упомянутые г. Ланномъ; по значенію же для русскаго общества и науки онъ крупнѣе нѣкоторыхъ изъ нихъ.

точки зрѣнія волевой актъ состоитъ изъ трехъ послѣдовательныхъ состояній организма, соотвѣтствующихъ тремъ состояніямъ сознанія: простой идеѣ дѣйствія, преобладанію этой идеи въ психикѣ субъекта и, наконецъ, исполненію идеи. И какъ *всякое* ощущеніе, помимо своего интеллектуальнаго значенія, имѣетъ еще элюціонально-волевую окраску, такъ и въ физіологической сторонѣ процесса всѣ чувствительные центры являются, по мнѣнію автора, въ то же время и двигательными. Вѣроятно, нѣтъ и особыхъ задерживающихъ центровъ. Ссылаясь на Бастіана, Фулье думаетъ, что «явленія хотѣнія не составляютъ продукта особой способности, мистической *сущности, воли,* какъ отдѣльнаго бытія; это—просто переходъ (transcription) ума въ дѣйствіе; но въ самомъ умѣ и его идеяхъ мы признаемъ извѣстное активное начало, являющееся съ физіологической стороны возстановленіемъ движенія, преобразованнаго организмомъ, а не пассивнымъ воспріятіемъ внѣшнихъ ощущеній».

Съ точки зрѣнія общей философіи, сила идей состоитъ въ томъ, что онѣ являются не простымъ отголоскомъ эволюціи міра, а однимъ изъ первичныхъ и постоянныхъ факторовъ ея. «Психологія придетъ къ признанію единства и превращенія психическихъ силъ, какъ физика признаетъ уже единство и превращеніе силъ физическихъ. А общая философія увидитъ въ физической энергіи внѣшнее выраженіе энергіи психической, т.-е. воли, которая и составляетъ основу единой и безконечно-разнообразной реальности міра. «Первичный элементъ воли — самопроизвольная склонность, по которой существо стремится удержать наличное удовольствіе и избѣжать страданія. Я наслаждаюсь и хочу наслаждаться; страдаю и не хочу страдать,—вотъ ея формула». Таковъ зачатокъ воли; здѣсь она дѣйствуетъ прямолинейно, и сознанія цѣли нѣтъ. При дальнѣйшемъ развитіи является выборъ между поступками, могущій дѣлать насъ относительно свободными. Импульсами воли служатъ ощущенія и аппетиты, воспріятія и идеи; разумная воля не только остается всегда вѣрна сама себѣ по принципу тожества, но видитъ рядъ *причинъ* и *слѣдствій,* пользуясь первыми, какъ *средствами,* для достиженія послѣднихъ, какъ *цѣли.* Какъ явленія жизни подчинены детерминизму, очень сложному, такъ и явленія воли подчиняются своему, еще болѣе сложному детерминизму; этотъ психологическій детерминизмъ — не механиченъ, онъ болѣе гибокъ, чѣмъ тотъ, о

которомъ говорили философы. Кромѣ того, надо имѣть въ виду вліяніе идеи свободы на этотъ детерминизмъ и найти въ немъ единственную возможную и желательную свободу. Свобода есть «*сознательная* причинность личности», «возможный максимумъ независимости для воли, которая сама опредѣляетъ себя, подъ вліяніемъ идеи этой независимости, въ виду какой-либо цѣли, идею которой она имѣетъ». Безсознательная, непроизвольная основа характера исключается при этомъ изъ общаго состава свободной личности. Идея свободы воли представляетъ отчасти иллюзію, такъ какъ наши дѣйствія опредѣляются, во-первыхъ, *психическими состояніями*, которыя не всѣ ясно сознаются, а потомъ—нашей *психическою природой*, во вліяніи которой мы также не даемъ себѣ отчета. Свобода на дѣлѣ сводится къ возможности опредѣлять свои дѣйствія тѣмъ, а не другимъ сужденіемъ или чувствомъ. Въ этомъ смыслѣ мы имѣемъ способность выбора, т.-е. сравненія съ интеллектуальной и эмоціональной точки зрѣнія различныхъ возможныхъ рѣшеній и осуществленія результата этого сравненія.

Фулье указываетъ, что какъ детерминисты, такъ и индетерминисты не изслѣдовали вліянія идеи свободы. дѣйствующей на психическій детерминизмъ по его законамъ. Если даже свободы и вовсе нѣтъ, *идея* свободы есть фактъ, и важный фактъ. Остается вопросъ, какое значеніе имѣетъ для человѣка эта *идея* независимости его интеллектуальнаго «я» какъ отъ внѣшнихъ вліяній, такъ и отъ многихъ внутреннихъ мотивовъ.

Свобода желательна человѣку, такъ какъ желательны всѣ ея элементы, и «всеобщая любовь другъ къ другу», какъ ея завершеніе; поэтому и идея свободы дѣйствуетъ на человѣка какъ задерживающимъ, такъ и возбуждающимъ образомъ. Сдѣлавъ затѣмъ обзоръ вліянія отдѣльныхъ элементовъ идеи свободы, Фулье резюмируетъ свои выводы: свобода есть полнота и независимость мотиваціи нашей воли; это—отнюдь не отсутствіе мотивовъ,—напротивъ, наличность всѣхъ мотивовъ за и противъ, управляемая идеей свободы и всеобщей цѣли; это—самоопредѣленіе. Поэтому, свобода возможна только на почвѣ детерминизма; обычная же ошибка состоитъ въ томъ, что индетерминизмъ переносятъ внутрь человѣка и дѣлаютъ насъ *свободными* отъ нашего собственнаго ума.

В. Ивановскій.